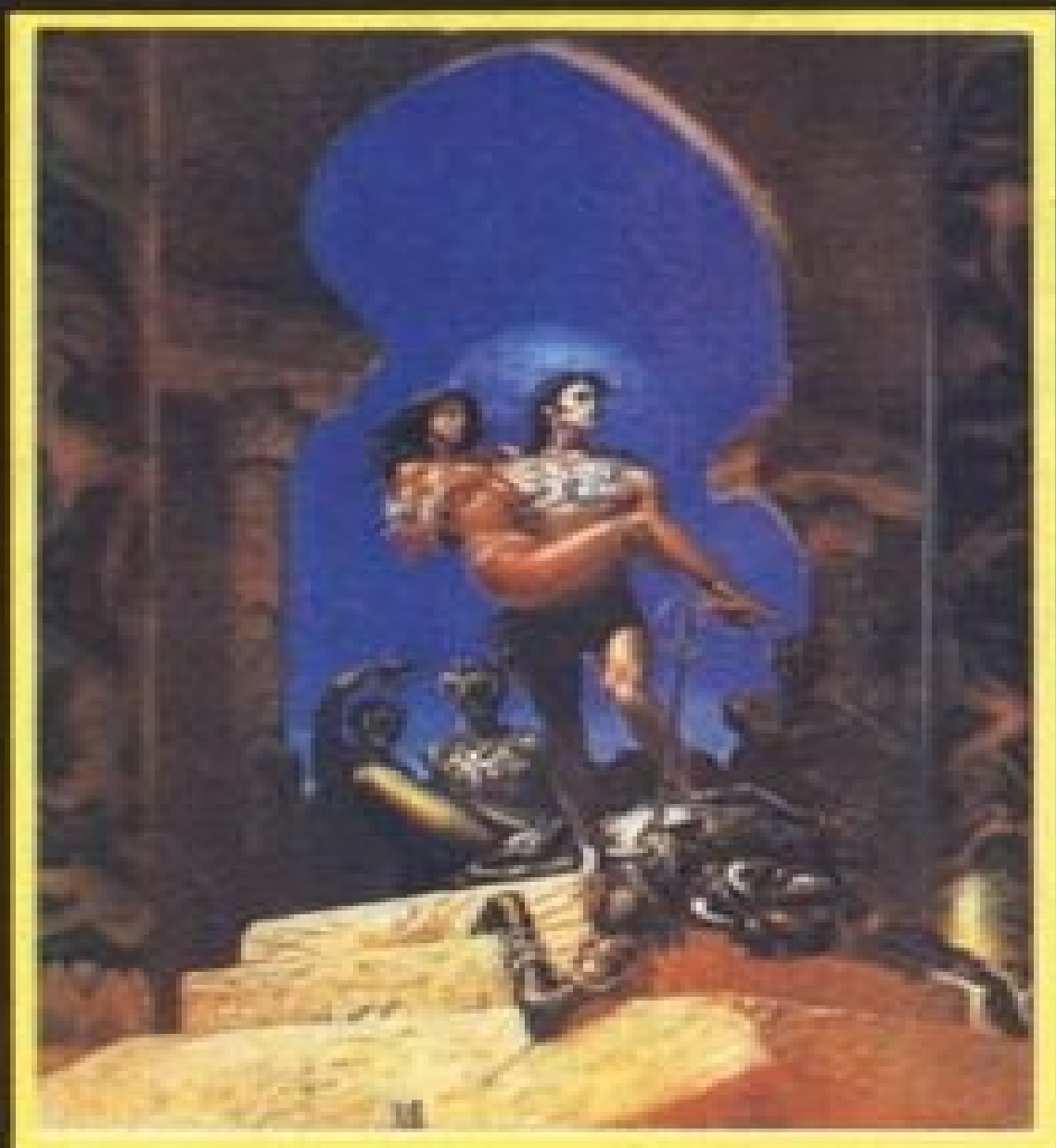

РОБЕРТ ГОВАРА

КОНАН — КОРСАР

ИЗДАНИЕ

- [Роберт ГОВАРД](#)
    - [1. КОНАН СТАНОВИТСЯ ПИРАТОМ](#)
    - [2. ЧЕРНЫЙ ЛОТОС](#)
    - [3. КОШМАР В ДЖУНГЛЯХ](#)
    - [4. БИТВА](#)
    - [5. ПОГРЕБАЛЬНЫЙ КОСТЕР](#)
-

Роберт ГОВАРД КОРОЛЕВА ЧЕРНОГО ПОБЕРЕЖЬЯ

Еще несколько месяцев Конан провел в родной Киммерии, прежде, чем снова вернуться в цивилизованные страны. Служил в армиях Немедии и Офира. Но времена были мирные. Конан бросил службу и отправился в Аргос...

1. КОНАН СТАНОВИТСЯ ПИРАТОМ

Подобно листьям, что весной хотят Дождаться осени, что выкрасит их кровью Хотела одарить его она Неугасимой, пламенной любовью.

Песнь о Белит

Копыта звенели по улице, ведущей к пристани. Люди поспешно разбежались, едва успев разглядеть всадника на вороном жеребце. На всаднике был панцирь и развивавшийся по ветру красный плащ. Позади слышался шум погони. Доскакав до причала, всадник с такой силой осадил коня, что тот сел на круп. Матросы, поднимавшие полосатый широкий парус на высокобортной пузатой галере, засмотрелись на богатыря, а здоровенный чернобородый шкипер протестуяще закричал, когда всадник прямо с седла в невероятно длинном прыжке соскочил на палубу.

— Кто тебе разрешил взойти на корабль?!

— Отчаливай! — рявкнул незнакомец, сунув под нос шкиперу свой огромный меч, с клинка которого стекали алые капли.

— Мы же плывем к кушитскому побережью! — попытался отговорить его шкипер.

— Так и плыви в Куш! Отчаливай, я тебе говорю! — Богатырь бросил взгляд в конец улицы, где уже появился конный отряд, за которым бежала группа лучников.

— А у тебя есть, чем заплатить за проезд? — не унимался шкипер.

— Сталью заплачу! — взмахнул мечем воин. — Клянусь Кромом! Или твоя галера немедленно отплывет, или я утоплю ее в крови экипажа.

Шкипер неплохо разбирался в людях. Ему хватило одного взгляда на застывшее в гневе мрачное, покрытое шрамами лицо, чтобы без лишних слов оттолкнуть галеру багром от берега. Весла опустились, заработали гребцы. Вскоре дуновение ветра наполнило парус. Галера все быстрее и быстрее скользила по волнам океана.

На берегу всадники в ярости потрясали мечами, выкрикивая угрозы.

— Пусть бесятся, — усмехнулся воин. — Следуй своим курсом, благородный шкипер.

Шкипер сошел с мостика на палубу и принялся разглядывать незнакомца. Тот стоял, опираясь на мачту и все еще сжимая в руке меч. Его могучая фигура была закована в черный чешуйчатый полупанцирь, блестящие наколенники и серо-голубоватый стальной шлем, из которого торчали отполированные бычьи рога. С могучих плеч свешивался, развеваясь на ветру пурпурный плащ, широкий пояс был украшен золотой пряжкой. Видневшиеся из-под шлема аккуратно подстриженные черные волосы контрастировали с голубыми глазами.

— Коль уж нам суждено путешествовать вместе, — сказал шкипер, — то неплохо хотя бы познакомиться для начала. Меня зовут Тито, я шкипер из порта Аргос. Направляюсь в Куш, менять бусы, шелк, сахар и бронзовые мечи на слоновую кость, копру, медную руду, жемчуг и сильных черных рабов.

— А я Конан из Киммерии. Прибыл в Аргос в поисках достойного меня занятия. Но сейчас королевству не грозят войны, так что я не нашел, к чему бы приложить руки.

— Почему же тебя преследовали гвардейцы? — спросил Тито. — Это, конечно, не мое дело, можешь не отвечать...

— Мне скрывать нечего, — перебил его Конан. — Клянусь Кромом, я немало времени прожил среди вас, цивилизованных людей, как вы себя называете, но никак не смог постичь ваших обычаев.

— Пройлой ночью сотник королевской гвардии в таверне хотел отобрать девчонку у моего

приятеля, который, естественно, заколол гвардейца. Но, видимо, ваши законы охраняют наглецов. Парню пришлось бежать. А поскольку меня видели рядом с ним, то потащили в суд и принялись допытываться, где мой приятель. Я ответил им, что это мой друг, и я не могу его выдать. Тут судья завопил, что меня надо бросить в подземелье за оскорбление суда и держать там до тех пор, пока я не выдам приятеля. Поняв, что они все там свихнулись, я выхватил меч, раскроил голову судье, прорубил себе дорогу из зала суда, вскочил на коня предводителя гвардейцев и помчался к порту, чтобы попасть на корабль и отправиться подальше отсюда.

— Не испытываю горячей любви к судейским, — сказал Тито. — Правда, по возвращении у меня могут быть неприятности, но у меня есть все основания утверждать, что я действовал исключительно под угрозой насилия. Вложи меч в ножны, мы мирные моряки и не имеем ничего против тебя. К тому же неплохо иметь такого воина на корабле для защиты. Пойдем-ка, выпьем по кувшинчику вина.

— Вот это по мне, — охотно согласился Конан и сунул меч в ножны.

Галера, на которую попал Конан, называлась «Аргус». Маленькая, прочная она ничем не отличалась от множества кораблей, курсировавших между портами Зингары и Аргоса и редко отваживавшихся выходить в открытое море. «Аргус» был широк в корме и плавно сужался к носу, высокому и изогнутому. Управлялся он с помощью огромного весла. Парусное вооружение состояло из большого грота — прочного полосатого шелка — и кливера. Люди спали прямо на палубе, прячась в непогоду под балдахинами. Экипаж состоял из двадцати гребцов, трех рулевых и шкипера.

Погода благоприятствовала «Аргусу», который мерно двигался к югу. С каждым днем становилось все жарче, над палубой пришлось натянуть тент из того же полосатого шелка. Наконец, показались берега страны Шем — бескрайние холмистые луга с виднеющимися то тут, то там крепостными башнями. Крючконосые всадники с иссиня-черными бородами патрулировали побережье, бросая на галеру недружелюбные взгляды. Шкипер и не собирался заходить в порт, так как прибыль от торговли с суровыми и подозрительными сыновьями Шема была весьма сомнительной.

Не стали моряки заходить и в устье реки Стикс, в голубом зеркале которой отражались черные громады замков Кеми. Страна эта пользовалась дурной славой. Мрачные чернокнижники творили здесь страшные заклятья в облаках жертвенного дыма, вздымавшегося с алтарей, обогранных кровью, на которых визжали женщины, обреченные на заклятие. Здесь Сет, Древний Змей, дьявол для гиборейцев и бог для стигийцев, показывал свое блестящее чешуйчатое тело толпам верующих.

Шкипер Тито приказал кормчему сделать широкую дугу, чтобы быстрее пройти залив. Тем не менее, навстречу им из-за мыса выскочила змеевидная гондола, с борта которой с серо-коричневые женщины, с пышными грудями и красными цветами в волосах, зазывали мореходов, принимая самые соблазнительные и непристойные позы.

Затем галера двинулась вдоль пустынного берега. Парусник миновал границы Стигии и приближался к побережью Куш. Для Конана, рожденного в горах, все было внове: и море, и, что самое неприятное, морская болезнь. Моряки, в свою очередь, с интересом присматривались к нему — киммерийцев им встречать не доводилось. Сами они были типичными аргосскими мореходами, невысокого роста, но крепкого сложения. У них нельзя было отнять ни мужества, ни твердости, но сравниться с Конаном в выносливости, волчьей живучести, силе стальных мускулов и молниеносной реакции аргосцы, конечно, не могли. Киммериец мог без труда победить двух самых могучих из них одновременно.

Конана легко было рассмешить, но гнев его был ужасен. Ел он за троих, вино было его радостью и слабостью. Так и не привыкший к цивилизации, во многом наивный как ребенок, он

отличался природным умом, ревностно охранял свои права, и, если кто-то пытался на них посягнуть, Конан превращался в разъяренного тигра. Киммериец был еще довольно молод, но закален во многих странствиях, географию которых легко можно было определить по его доспехам. Такие рогатые шлемы носили золотоволосые Эзиры из Нордхейма, панцирь и наколенники были изготовлены лучшими оружейниками Ктоха, кольчуга под панцирем была, явно, из Немедии, огромный меч — аквилонской работы, а великолепный пурпурный плащ не мог быть выткан нигде, кроме Офира.

Галера двигалась к югу. Тито принялся высматривать окруженные высокими частоколами поселения черного народа. Но им удалось обнаружить на берегу одного из заливов только дымящиеся развалины и груды черных трупов.

— Хорошенькая здесь была торговля! — рассвирепел Тито, разразившись бранью. — Это поработали пираты.

— А если мы с ними встретимся? — спросил Конан, положив руку на эфес.

— Попробуем удрать. Война — не мое ремесло. Но если дойдет до боя, мы сумеем постоять за себя. Но не дай бог нарваться на «Тигрицу» Белит!

— Кто это — Белит?

— Отъявленная дьяволица, худшая из еще не повешенных. Я уверен, что это работа ее мясников. Мечтаю увидеть ее на виселице! Белит называют Королевой Черного Побережья. Это шемитка, которая командует бандой чернокожих. Она грабит корабли и отправила на дно морское немало достойных купцов.

Из-под палубы на корме Тито извлек стеганые доспехи, стальные шлемы и луки со стрелами.

— Долго нам не продержаться, — проурчал он. — Но горе душе, которая отдает жизнь без боя.

На восходе вахтенные подняли сигнал тревоги. Из-за мыса выскользнула змееподобная галера. Сорок пар весел придавали ей большую скорость. У ее низких бортов основались неисчислимые голые тела чернокожих, которые дико выли и колотили копьями об овальные щиты. На мачте галеры развевался длинный пурпурный флаг.

— Белит! — воскликнул побледневший Тито. — Яр! Лево на борт! К устью реки! Если успеем добраться до берега, то, возможно, спасем свои жизни.

«Аргус» помчался в сторону заросшего пальмами побережья. Тито метался между лавками, проклятиями и угрозами подгоняя гребцов.

— Дайте мне лук! — приказал Конан. — Хоть я и не считаю его оружием, достойным настоящих мужчин, но в Гиркании научился неплохо владеть им, и пусть позор падет на мою голову, если я не поражу двух-трех пиратов.

Стоя на корме, Конан смотрел, как легко несется по волнам змеевидная галера. Было ясно — от погони «Аргусу» не уйти. Пиратские стрелы падали в море в двадцати шагах от купеческого корабля.

— Быстрее, псы! — орал Тито, размахивая кулаками.

Бородатые гребцы стонали от напряжения, их тела покрылись каплями пота. Корпус маленькой галеры скрипел и трещал. Ветер стих, парус повис. Преследователи приближались.

Около мили отделяло «Аргус» от спасительного берега, когда его кормчий полетел за борт с торчащей из шеи стрелой. Его место занял Тито. Упершись в палубу широко расставленными ногами, Конан поднял лук. Гребцы пиратского корабля были защищены плетеными щитами, но танцевавших на узкой палубе воинов Конан видел как на ладони. На невысоком мостике стояла стройная женщина, светлая кожа которой резко выделялась на фоне эбеновых тел воинов. Конан натянул тетиву, но не в его правилах было убивать женщин, и стрела пронзила грудь стоявшего

рядом с ней рослого пирата в плюмаже из перьев. Дождь стрел посыпался на палубу «Аргуса», все чаще раздавались стоны. Все рулевые погибли. Тито в одиночку правил огромным веслом, но вскоре и он закашлялся и упал на палубу с пронзенной грудью. Перепуганные матросы закричали, но Конан уже принял командование на себя.

— Смелее, парни! — рычал он, спуская тетиву лука. — Беритесь за оружие и задайте перцу этим псам, прежде чем они перережут нам глотки! Да бросьте вы весла, все равно они сейчас нас догонят!

Гребцы схватились за оружие, но было уже поздно. Всего один раз успели они выстрелить из луков, прежде чем на них налетел пиратский корабль. Битва была кровавой, но короткой. Все матросы были убиты. Лишь в одном месте схватка затянулась. Там, где сражался Конан. Когда окованный железом нос пиратской галеры пропорол борт «Аргуса», киммериец отбросил лук и выхватил свой верный меч. Первый же пират был аккуратно разрублен пополам. В пылу схватки Конан перескочил через борт и очутился на палубе «Тигрицы». На него обрушился ураган копий и дубин. Но копья ломались о его панцирь, дубины обрушивались в пустоту, а огромный меч киммерийца неустанно пел песню смерти. Конана охватило боевое безумие. Гора трупов выросла у его ног, прежде чем пираты отступили, пораженные страхом. Они подняли копья, что бы метнуть их в Конана, но пронзительный крик заставил застыть руки пиратов.

Перед шеренгой черных воинов, наклоняя вниз копья, появилась Белит. Ее сверкающие глаза уставились на Конана. Восхищение стальными пальцами сжало его сердце. Белит была стройна и великолепно сложена — сильная и одновременно очень женственная. Одежду ее составляла только набедренная повязка. Алебастровое тело женщины и пышные полушария ее груди возбуждали у киммерийца страсть более сильную, чем боевое безумие. Черные, как стигийская ночь, волосы ниспадали волнами на округлые плечи Белит.

Не обращая внимания на окровавленный меч, она подошла к киммерийцу так близко, что клинок коснулся ее упругого бедра.

— Кто ты? — спросила она. — Клянусь богиней Иштар, я избороздила моря от Зингары до самого крайнего юга, но нигде не встречала таких, как ты. Откуда ты, воин?

— Из Аргоса, — коротко ответил Конан, не спуская глаз со стилета, торчавшего за набедренной повязкой. Делал он, впрочем, это инстинктивно. Слишком многих женщин держал он в руках, чтобы не распознать огня, пылавшего в глазах пиратки.

— Ты не из гиборийских слабаков, — сказала Белит. — Ты тверд и грозен, как волк. Глаз твоих не затмили огни городов, а мышцы не размягчила жизнь среди мраморных стен!

— Я Конан из Киммерии.

Для Белит Север был туманной, полумифической страной, но безошибочное чутье подсказало ей, что она нашла возлюбленного, равного которому у нее до сих пор не было.

— А я Белит! — произнесла она так, как если бы сказала: «А я королева». — Взгляни на меня, Конан. Разве я не прекрасна?! О, тигр Севера, Возьми меня, и пусть раздавят мое тело твои железные объятия! Пойдем вместе на край земли и морей. Битвы, сталь и огонь сделали меня королевой Черного Побережья — так стань же моим королем!

Конан взглянул на чернокожих пиратов, ища на их лицах признаки вражды или ревности, но напрасно. Он понял, что Белит была для них чем-то вроде богини, желания которой — закон.

— Я поплыву с тобой, — сказал он.

— Хо! Ньяга! — приказала Белит. — Приготовьте снадобья и перевяжите раны своего господина. Всем остальным перетащить добычу на палубу, да поживее! Пора плыть дальше.

Конан сидел на корме, а старый колдун промывал многочисленные раны на его руках и ногах. Груз с «Аргуса» пираты погрузили в трюм. Трупы погибших бросили за борт на радость акулам. Убрали абордажные крючья, и «Аргус» бесшумно погрузился в красные от крови воды. А

«Тигрица», подгоняемая ритмичными ударами весел, направилась на юг.

Белит взошла на корму, резким движением сбросила набедренную повязку, оставшись совершенно обнаженной, и крикнула своей дикой орде:

— О, волки синих морей, смотрите на танец, брачный танец Белит, предки которой были королями Асгалуна!

И она закружилась, как смерч, как искры костра. Ее стройные белые ноги едва касались окровавленной палубы, а умирающие пираты, глядя на нее, забывали о смерти. И когда на небе появились первые звезды, со страстным криком она бросилась к ногам Конана, который горя от неутолимого желания прижал обнаженное тело Белит к своей груди...

2. ЧЕРНЫЙ ЛОТОС

Когда в Граде Мертвых сокровища блеск Она ненасытными ела глазами Вселился в меня злобной ревности бес, Как будто кто третий вдруг встал между нами.

Песнь о Белит

Без устали кружила «Тигрица» по морям, и дрожали от страха черные деревни. Гремели по ночам тамтамы, передавая весть о том, что морская дьяволица нашла себе возлюбленного, который в гневе страшнее раненого льва. А уцелевшие в битвах мореходы страшными словами проклинали Белит и белого воина с жестокими голубыми глазами. И вот однажды «Тигрица» бросила якорь у устья широкой реки, окруженной мрачными таинственными джунглями.

— Это река Заркхеба, что означает «смерть», — сказала Белит. — Ее воды ядовиты. Смотри, как темны волны. Однажды галера, которую мы преследовали, спасаясь от погони, поднялась вверх по реке. Я приказала бросить якорь. Через много дней течение вынесло корабль, весь покрытый засохшей кровью. На нем был лишь один живой человек, да и тот вскоре умер. Мы ничего не могли добиться от него, кроме безумного бормотания. Груз никто не трогал, но экипаж бесследно исчез. Любимый, я слыхала, что в верховьях реки стоит город. В нас с тобой нет страха, мы должны найти и ограбить его.

Конан согласился, он всегда соглашался с ее предложениями. Белит была мозгом, он — мышцами. Куда плыть, с кем сражаться — это его не интересовало. Главное — драться.

Экипаж «Тигрицы» сильно поредел после битв и состоял теперь из восьмидесяти копыеносцев, но Белит не хотела терять время для набора новых. Ее звало новое приключение. «Тигрица» вошла в устье реки, преодолевая сильное течение. Сколько они не плыли, им ни разу не пришлось увидеть животное или птицу, которые пожелали бы напиться из реки Смерти. Из джунглей порой доносились ужасные нечеловеческие вопли. Белит сказала, что это кричат обезьяны, в которых переселились души закоренелых грешников, но Конан ей не поверил. В Гиркании он видел этих животных с грустными глазами, едва ли они были способны издавать вопли, исполненные такой неистовой злобы.

Кровавым диском поднялась луна. В ее лучах засветились холодным светом весла, плюмажи воинов, бриллианты в черных локонах Белит, лежащей на шкуре леопарда. Опершись на локоть, она любовалась Конаном. Глаза ее пылали.

— Мы плывем в страну кошмаров и смерти, — сказала она. — Ты не боишься, Конан?

Киммериец в ответ только пожал плечами.

— И я не боюсь, — продолжала она. — Слишком часто приходилось смотреть мне в пасть Смерти. А богов ты не боишься, Конан?

— Я стараюсь не связываться с ними. Одни строги, другие добры. Вот Митра гиборейцев, похоже, могущественный бог, раз этот народ понастроил своих городов по всему свету. Но даже гиборейцы трепещут перед Сетом. Мне по душе Бел, покровитель воров. Он здорово мне помогал, когда я был вором в Заморе.

— А у твоего народа есть свои боги? Ты никогда не взываешь к ним.

— Есть. Самый могучий из них Кром. Он живет на вершине горы и взывать к нему бесполезно. Ему наплевать, жив человек или умер. Кром мрачен и безжалостен. Его дело — вдохнуть при рождении в человека душу и силу для сражений. А чего еще ждать от богов?

— А веришь ли ты в миру по ту сторону смерти?

— Нет. Человек в этом мире напрасно страдает, находя удовольствие только в безумии сражения. Когда он умирает, его душа направляется в серую туманную страну туч и холодных

ветров, чтобы вечно скитаться там, не находя утешения.

— Самая плохая жизнь привлекательней такой судьбы, — сказала Белит. — Но во что ты тогда веришь Конан?

— В жизнь. В густой сок мяса, в крепкое вино, в объятия нежных рук, в безумие боя, в танец стальных клинков. Все это есть у меня, и поэтому я счастлив.

— Но боги все-таки существуют. Иштар, Ашторет, Деркетто... И есть жизнь после смерти. Я точно знаю это, Конан. Мое сердце слилось с твоим, моя душа — часть твоей. И если бы я умерла прежде тебя, то даже из бездны вечности поспешила бы тебе на помощь, чтобы поддержать тебя в неравном бою. Я принадлежу тебе, и никакие боги не в силах нас разлучить!

Истошный крик прервал их беседу. Конан, схватив меч, бросился на нос галеры. Черный воин висел над палубой в объятиях гигантского питона, вылезшего из реки. Конан взмахнул мечом и почти перерубил тело удава, которое было толщиной с человеческое туловище. Издыхающее чудовище, не выпуская свою жертву из пасти, начало сползать с палубы кольцо за кольцом, пока навеки не погрузились в воду и змей, и человек. Только кровавая пена выступила на поверхности реки. Конан принял вахту у погибшего, но все было спокойно, а когда утреннее солнце осветило верхушки деревьев, он заметил в чаще черные клыки башен. Конан окликнул Белит. Она тут же примчалась на его зов.

Не город, а призрак города представился их взорам. Буйные травы росли между глыбами растрескавшихся стен. Город захватили джунгли, скрывая рухнувшие колонны и руины домов под своей ядовитой зеленью.

На главной площади вздымалась мраморная пирамида, увенчанная стройной колонной, на вершине которой сидело существо, принятое Конаном за скульптуру.

— Это большая птица, — предположил один из воинов.

— Громадный нетопырь, — сказал второй.

— Обезьяна, — заключила Белит.

Тут существо расправило крылья и улетело в джунгли.

— Крылатая обезьяна, — обеспокоенно произнес Ньяга. — Какой черт занес нас сюда? Лучше было бы сразу перерезать себе глотки. Это проклятое место!

Белит посмеялась над его страхами и приказала причалить к берегу. Первой спрыгнула на сушу, за ней последовали остальные чернокожие, приготовив копья к бою. Вокруг царила тишина, зловещая, как молчание спящей змеи.

Медленно и мрачно над джунглями поднималось солнце. Белит указала рукой на тонкую круглую башню, наклонившуюся к земле. К башне вела обрамленная упавшими колоннами широкая аллея, упиравшаяся в массивный алтарь. Белит подбежала к нему...

— Это храм древних богов, — сказала она. — Смотри, Конан, вот канавки для стока крови. Тысячи лет прошли, а дожди так и не смыли с них темных пятен. Стены города рассыпались, а алтарь стоит, презирая время.

— Кто же были эти древние боги?

— Об этом молчат даже легенды. Однако, обрати внимание на поручни по обе стороны алтаря! Жрецы часто скрывали свои сокровища под жертвенным камнем. Попробуйте сдвинуть эту плиту!

Конан и трое самых сильных воинов взяли за каменные поручни, как вдруг их остановил пронзительный крик Белит:

— Змея! Здесь в траве. Конан, убей ее! А вы продолжайте свое дело!

Пока Конан искал в траве змею, четверо воинов напряглись до предела, пытаясь приподнять алтарь. Внезапно он стал вращаться, в тот же миг башня рухнула вниз, похоронив под обломками четверых воинов.

Тонкие пальцы Белит сжали руку Конана.

— Змеи не было, — прошептала она. — Я почувствовала опасность и хотела уберечь тебя. Древние боги хорошо стерегут свои сокровища. Разберите завал!

Под грудой камней воины обнаружили нишу, залитую кровью погибших. Невообразимые сокровища таились в ней. Алмазы, сапфиры, изумруды, аметисты, лунные камни, опалы...

Белит с криком упала на колени и по плечи погрузила свои руки в море драгоценностей. С воплем восхищения она вытащила нанизанную на золотую цепь связку пурпурных камней, похожих на застывшие капли крови. Белит была в трансе. Ее шемитская душа находила в богатстве радость и упоение.

— Забирайте драгоценности, псы! — приказала Белит воинам.

— Смотри! — Конан указал рукой в сторону корабля.

С мачты галеры взлетела черная фигура и исчезла в джунглях.

— Дьявольская макака похозяйничала на корабле, — пробормотал один из воинов.

— Ну и что?! — завизжала Белит. — Делайте носилки из копий и плащей и грузите драгоценности! Ты куда, Конан?

— Осмотрю галеру. Этот нетопырь мог ее продырявить.

Конан осмотрел «Тигрицу» и вернулся. Белит надела ожерелье из рубинов и пурпурные камни мрачно сверкали на ее обнаженной пышной груди. Громадный чернокожий воин стоял, погруженный по пояс в россыпь бриллиантов, и горстями насыпал их в трясущиеся от жадности руки товарищей. И казалось, что он стоял в огненной яме ада, держа в руках звезды.

— Летающий дьявол продырявил бочки с водой, — сообщил Конан. — Мы могли бы не допустить этого, если бы поменьше восхищались дурацкими камнями! Даже на вахте вы не оставили никого, уроды! Я возьму двадцать человек и отправлюсь в джунгли на поиски воды.

Белит едва удостоила его взглядом, горящим огнем безумия, пальцы ее беспрестанно перебирали висевшее на груди ожерелье.

— Хорошо, — отрешенно проговорила она. — Я перенесу добычу на галеру.

Джунгли сомкнулись за воинами, превратив золотой свет солнца в серый. С ветвей деревьев свешивались похожие на питонов лианы. Однако, заросли не были настолько густыми, как можно было ожидать. Дорога поднималась в гору. Все дальше уходили воины от реки, но не находили даже признаков ручья или родника. Внезапно киммериец остановился и беспокойно покрутил головой.

— Отведи подальше людей, Нгоро, — сказал Конан. — Спрячьтесь и ждите меня. Я чувствую, что за нами кто-то следит.

Вдалеке затихли звуки шагов отряда. Конан неожиданно услышал странный аромат. Что-то необычайно нежное коснулось его виска. Конан молниеносно обернулся. К нему тянулись огромные, черные цветы, изгибая свои гибкие стебли, раскрывая пышные бутоны. Конан отпрянул. Это был черный лотос, нектар которого нес смерть, а запах — сон, полный кошмарного бреда. Разум киммерийца помутился. Он хотел было выхватить меч, чтобы срубить коварные стебли, но руки уже не повиновались ему. Конан попытался окликнуть воинов, но из его груди вырвался только слабый стон. Стволы деревьев стали расплываться перед его глазами. Конан уже не слышал ужасных воплей, что неслись из ближайших кустов. Колени его подломились, и он бессильно упал на землю. Над его неподвижным телом в полнейшем безветрии раскачивались черные цветы.

3. КОШМАР В ДЖУНГЛЯХ

Только ли сон подарил ему гибельный лотос?

Проклят тот сон, коим жалкую жизнь он купил.

Каждой минутой бессилия смерть среди друзей наслаждалась Меч же был в ножнах и крови врага не пролил.

Песнь о Белит

Сначала был мрак пустоты, пронзаемой ледяным дуновением космического ветра. Потом появились ужасные фигуры, ежеминутно меняющие свои очертания, как будто мрак приобретал телесную форму. Подул ветер и взбесилась в смерче пирамида ревущей черноты.

И родились из нее Форма и Пространство. Тьма неожиданно расступилась, и на берегу широкой реки, пересекавшей бескрайнюю равнину, вознесся навстречу небу огромный город из зеленого камня. Над ним кружили неземные существа.

Они чем-то походили на людей, но, без сомнения, не были ими. Они являлись плодом совершенно другого эволюционного древа. Своим видом они напоминали человека не больше, чем сами люди напоминали собой обезьян. Но духовным и умственным развитием летающие существа были настолько же выше человека, насколько тот выше горилл. Когда они построили свой город, предки человека еще не выползли на берег первичного океана.

Существа были смертны, как все, состоящее из плоти и крови. Как и люди, они жили, любили и умирали, хоть срок их жизни был невообразимо долгим. А спустя миллионы лет началась Перемена. Изображение задрожало перед глазами Конана, как отражение в воде.

Над городом волнами проносились эпохи, и каждая из них несла изменения. Менялась река. Равнины превращались в болота, кишацие змеями. Но поля еще кое-где плодоносили. Постепенно леса вытеснялись влажными джунглями. Менялись и жители. Какие-то непонятные причины не позволяли им

оставить древний город. Некогда богатая и могучая страна все глубже погружалась в черное болото джунглей, в неистовом хаосе которых растворялись жители города. Страшные конвульсии сотрясали землю. Со всех сторон мрачного горизонта взметнулось к небу множество багровых столбов, изрыгавших раскаленную лаву.

Землетрясение разрушило внешние стены и самые высокие башни города, а воды реки стали черными от какого-то ядовитого вещества, вырвавшегося из недр земли. Многие из тех, кто пил эту воду, умерли, некоторые приспособились к новым условиям. Те, кто были крылатыми богами, превратились в летающих демонов. С высот, о которых человечество не могло даже мечтать, они скатились ниже, чем могли представить люди в самых кошмарных снах.

Они погибали в ужасных сражениях, пожирая друг друга. Их становилось все меньше и меньше, и, наконец, среди поросших мхами руин города осталась только одна ужасная уродливая фигура.

И тогда тут впервые появились люди. Темнокожие мужчины в кожаных доспехах, вооруженные луками и медными мечами — воины доисторической Стигии. Их было около полусотни, истощенных, грязных, покрытых множеством ран. Более сильное племя разгромило стигийцев и загнало остатки войска в джунгли, где они заблудились как в лабиринте.

Выбившись из сил, они легли среди руин и погрузились в сон, окруженные кроваво-красными цветами, распускающимися один раз в столетие. А когда вошла луна, ужасный, красноглазый монстр выполз из мрака, приблизился к спящим и совершил над каждым страшное, невообразимое действие. И когда наступил рассвет, среди руин не осталось ни одного

человека: мохнатое крылатое чудовище сидело в окружении пятидесяти крапчатых гиен, которые выли, подняв морды к небу, оплакивая свои погибшие души.

Затем изображения замелькали с невообразимой быстротой. Черные воины плывут вверх по реке на длинных лодках, украшенных оскаленными черепами. Вот они крадутся среди деревьев, сжимая в руках копья. А вот они уже бегут в ужасе, спасаясь от красноглазых чудовищ с омерзительными клыками, с которых капала слюна. Вопли умирающих разрывали ночную тишину, во тьме пылали глаза вампира. И началось страшное кровавое пиршество.

Картина сменилась. В отличии от предыдущих, она была четкой.

На палубе змеевидной галеры в окружении черных воинов стоял светлокожий гигант в панцире и рогатом шлеме. Только сейчас, когда Конан узнал самого себя на борту «Тигрицы», он понял, что спит, но проснуться не мог.

Затем он увидел поляну в джунглях, а на ней ожидающих его Нгоро и девятнадцать воинов, вооруженных копьями. И тут кошмар ринулся на них с неба. Обезумевшие воины, бросив копья, бросились через джунгли, ничего не видя перед собой. А над ними распростер крылья гигантский вампир.

Конан снова попытался проснуться. Он увидел свое тело, распростертое под навесом из черных цветов, почувствовал, что к нему подкрадывается страшный монстр.

Невероятным усилием воли он разорвал сонные путы и, шатаясь, поднялся на ноги. Совсем рядом в мягкой земле Конан увидел след, как будто, зверь готовился выскочить и уже выставил одну лапу. Судя по очертаниям, это был след невероятно большей гиены.

Конан окликнул Нгоро. Голос киммерийца прозвучал до смешного слабо и глухо. Солнце не проникало сквозь густые кроны, но инстинкт подсказывал ему, что день подходит к концу. Конан ужаснулся, поняв, как долго он был без сознания, и двинулся по следу отряда. Вскоре он достиг знакомой поляны и дрожь пробежала по его спине. Это была поляна из его сна. По поляне были разбросаны щиты и копья. Цепочки следов вывели Конана к голой скале, которая резко обрывалась, заканчиваясь пропастью глубиной в сорок футов. Какое-то существо жалось к краю обрыва.

Сперва Конану показалось, что это горилла, но присмотревшись, он разглядел стоящего на четвереньках черного гиганта, выпускавшего пену изо рта. Лишь когда человек ринулся на Конана с рыдающим воем, киммериец узнал в нем Нгоро. Он не обращал внимания на крик Конана, глаза его были вытаращены, лицо казалось человекоподобной маской. С дрожью ужаса, который безумец всегда вызывает у здорового человека, Конан пронзил мечом грудь Нгоро. Уклонившись от скрюченных пальцев падающего гиганта, Конан приблизился к краю пропасти.

С минуту он смотрел вниз, где на острых обломках скал лежали разбившиеся пираты. Тучи огромных черных мух грозна жужжали над залитыми кровью камнями, муравьи уже начали пожирать трупы, а на окрестных деревьях расположились стервятники.

Конан повернулся и побежал назад, продираясь сквозь заросли и перепрыгивая через стволы упавших деревьев. В руке он судорожно сжимал меч и его смуглое лицо сейчас было необыкновенно белым.

Ничто не нарушало царившей в джунглях тишины. Солнце уже скрылось. В полутьме, где скрывалась смерть, Конан казался летящей молнией из пурпура и стали. Наконец, он выбежал на покрытый туманом берег реки. Он увидел прижавшуюся к берегу «Тигрицу». Тут и там между камнями багровели свежие пятна. И здесь царила смерть. От леса до самой реки между выщербленными колоннами и на потрескавшихся плитах — повсюду лежали изуродованные, разорванные на части, полусъеденные человеческие останки.

Силы оставили Конана. Медленно побрел он к галерее. На ее мачте что-то висело, поблескивая в слабом свете, точно слоновая кость. Онемев, смотрел Конан в мертвое лицо

Королевы Черного Побережья. Стройную длинную шею Белит сдавил шнур из пурпурных драгоценных камней, которые в серых сумерках казались застывшими каплями крови.

4. БИТВА

Черные тени его окружили, Зубы оскалили черные пасти И как вода, лилась кровь.
Но поднялась из мрачной бездны Та, чья любовь сильнее смерти Что б прилететь на его зов.
Песнь о Белит

Джунгли черными руками сжимали руины города. Луна еще не вошла. Звезды, как пылинки янтаря, блестели на небе, которое, казалось, застыло в ужасе перед царством смерти. На ступенях пирамиды среди рухнувших колонн сидел, словно железная статуя, Конан из Киммерии, опершись подбородком на могучие кулаки. Из темноты доносились звуки крадущихся шагов, блестели красные глаза. А вокруг лежали мертвецы...

На палубе «Тигрицы», закутанная в алый плащ Конана вечным сном спала Белит. Спала, как настоящая королева, посреди рассыпных драгоценностей, шелка, златотканых одежд, слитков серебра и золотых монет — все, что осталось от зловещего клада из проклятого города, который Конан с проклятием швырнул в воды Заркхебы.

Он сидел на ступенях пирамиды, поджидая невидимых врагов. Черная ярость изгнала без остатка страх из его сердца. Он уже не сомневался в том, что сны его были вещими. Отряд Нгоро, ослепленный ужасом, сорвались в пропасть. Сам Нгоро, спасся от гибели, но не от безумия. Тогда же, или чуть раньше, были уничтожены и все остальные пираты.

Конан не недоумевал, зачем его пощадили? Разве только хозяин джунглей намеревался подольше помучить его страхом и пытками. Похоже было на то. Доказательство — петля на шее Белит. Незвестный враг стремился довести его душевные муки до предела, сначала показав судьбу его товарищей. От этой мысли глаза Конана запылали ледяным огнем.

Поднялась луна. Ее лучи высекли искры из рогатого шлема киммерийца. Не было слышно ни звука. Джунгли затаили дыхание, а воздух сгустился от напряжения. Ступени пирамиды были обращены к джунглям. Конан сжимал в руках шемитский лук, положив рядом колчан, набитый стрелами.

Что-то шевельнулось в темноте и в лунном свете Конан увидел очертания звериных голов. Они выскочили из мрака, огромные и гибкие, прижимающиеся к земле — двадцать громадных, пятнистых гиен.

«Двадцать? — подумал Конан. — Значит копыта пиратов все-таки успели собрать свою жатву!»

Он до отказа натянул тетиву, она застонала, освобождаясь, и огненноглазая тварь, высоко подпрыгнув, рухнула на землю. Остальные без колебаний устремились к пирамиде, хотя смертельным дождем навстречу им летели стрелы, посылаемые стальной рукой киммерийца, силу которого удесятирила ненависть, раскаленная, как огонь Ада. Конан ни разу не промахнулся в боевом безумии. Воздух был наполнен свистящей смертью. Меньше половины тварей добрались до ступеней...

Глядя в их горящие глаза, Конан понял, что имеет дело не с животными. Они выделяли ауру зла, такую же ощутимую, как и испарения от покрытого трупами болота. Он даже не мог предположить, какое дьявольское колдовство вызвало их к жизни, но твердо знал, что столкнулся с магией более черной и могущественной, чем магия Колодца Скелоса.

Конан вскочил и послал последнюю стрелу в мохнатое тело, метнувшееся к его горлу и сатанинская бестия, скорчившись в прыжке, рухнула, простреленная навывлет. И тут налетел остаток своры. Молниеносные удары меча рассекли пополам трех тварей, но три оставшихся свалили киммерийца с ног. Он успел разmozжить череп одной из них рукоятью, а затем отбросив

меч, схватил за глотки последних двух, кусающих и рвущих его тело. Только панцирь спас киммерийца от верной смерти. Он чуть не задохнулся от мерзкой вони, испускаемой бестиями, глаза его заливал пот. В следующее мгновение рука Конана разорвала горло одного оборотня, а другая, промахнувшись, раздавила лапу другого. Короткий, до ужаса человеческий стон вырвался из пасти искалеченной твари. Пораженный этим, Конан ослабил хватку.

Гиена с разорванной глоткой, брызгая кровью, вдруг кинулась на воина в последней дикой судороге и сомкнула клыки на его шее. Но прежде чем Конан почувствовал боль, она упала замертво. Другая же, прыгая на трех лапах, вцепилась киммерийцу в живот, да так, что прокусила пару пластин. Конан огромным усилием поднял над собой большое извивающееся тело и на мгновение застыл. Смерд, вырывающийся из пасти гиены, вызвал у него приступ тошноты, клыки щелкали у самой шеи. Рывок — и со страшной силой он швырнул бестию на каменные плиты.

Конан переводил дыхание, шатаясь на широко расставленных ногах, когда раздались громкие хлопки перепончатых крыльев. Он схватил меч, смахнул с глаз кровь и поднял его обеими руками над головой, приготовился к нападению сверху.

Но удар был нанесен с другой стороны. Внезапно пирамида содрогнулась под его ногами. Одновременно он заметил, как высокая колонна, зашатавшись как ветка на ветру, стала наклоняться в его сторону. Времени для раздумий не было. Конан одним прыжком преодолел половину расстояния до основания пирамиды, ступени которой ходили ходуном. В следующем отчаянном прыжке он достиг земли. В тот же миг пирамида с грохотом развалилась, а колонна рухнула градом мраморных глыб...

Конан пришел в себя и принялся отбрасывать обломки, под которыми был погребен. Его ноги были придавлены к земле огромной глыбой, и Конан не был уверен, целы ли они. Какой-то из обломков сбил с него шлем. Волосы его слиплись от крови. Она сочилась так же из многочисленных ран на шее и из рук. Опираясь на локти, Конан попытался освободиться.

Темный силуэт мелькнул на фоне звезд и опустился на траву неподалеку. Повернув голову, Конан увидел крылатого демона, успел рассмотреть человекообразную фигуру на кривых коротких ногах, вытянутые вперед черные волосатые лапы с длинными когтями, бесформенную голову, на котором выделялись лишь пара кроваво-красных глаз. В этом существе дико сочетались одновременно сверхчеловеческое и примитивно-животное. Мгновение спустя, демон бросился на Конана.

Киммериец попытался схватить меч, но не смог дотянуться до него. С силой, приумноженной отчаянием, он схватил придавившую его глыбу и попытался сбросить ее. Жилы вздулись на его лбу, мышцы, казалось, вот-вот разорвутся. Глыба шевельнулась и начала понемногу поддаваться. Конан понял, что прежде чем ему удастся освободиться, черные когти вампира принесут ему смерть. Тем не менее воин продолжал бороться.

Крылатый дьявол черной тенью склонился над поверженным, но не сломленным воином, и уже приготовился сжать острые когти на его шее, как вдруг ему наперерез молнией метнулся светлый силуэт и заслонил жертву.

Пораженный Конан узнал бы эту упругую алебастровую фигуру из тысячи других. Это была Она, дрожащая от любви и ярости, опасная, как раненая пантера. Ее гибкое тело слоновой костью поблескивало в свете луны, пышная грудь высоко вздымалась. Издав крик, похожий на удар клинка о клинок, она изо всех сил оттолкнула крылатое чудовище.

— Белит! — вскричал Конан.

Она бросила на него быстрый взгляд, в котором горело пламя беспредельной любви, горячее как раскаленная лава, и исчезла. Перед Конаном остался только вампир, который, подняв лапы, будто защищаясь от атаки, в страхе отступал.

Конан знал, что Белит на самом деле спит вечным сном на палубе «Тигрицы». И тут он вспомнил ее страстные слова: «Если бы я даже была мертва, а тебе пришлось бы сражаться за свою жизнь, я и из бездны поспешу к тебе на помощь»...

Киммериец вскочил и с ужасным воплем, опрокинул глыбу и схватил меч. Враги бросились друг на друга. Конан нанес такой страшный удар, что сила инерции свистящей стали заставила его сделать полуоборот. Клинок погрузился в тело вампира чуть повыше бедер и рассек его на две части.

Конан стоял с окровавленным мечом в руке и смотрел на верхнюю половину ужасного врага. Красные глаза еще минуту пылали, а затем остекленели и закрылись навеки. Огромные когтистые лапы сжались в предсмертной судороге. И исчезла последняя, самая древняя раса Мира...

Конан оглянулся, ища взглядом ужасных бестий, которые были одновременно палачами и рабами крылатого демона, но не увидели ни одной. На каменных плитах лежали тела темнокожих людей с орлиными носами, пронзенные стрелами или разрубленные ударом меча. На глазах у Конана они рассыпались в прах. Почему же хозяин джунглей не пришел на помощь своим рабам, когда они сражались с Конаном? Возможно, он сам боялся ярости страшных клыков им же созданных чудовищных оборотней...

Не торопясь, Конан подошел к берегу и поднялся на борт галеры. Несколькими ударами меча он перерубил канаты и взялся за рулевое весло. «Тигрица» медленно двинулась к середине мрачной реки, где ее подхватило сильное течение. Сжимая весло, Конан не сводил хмурого взгляда с неподвижного тела, закутанного в пурпурный плащ, которое возлежало на гряде богатства, достойной императрицы.

5. ПОГРЕБАЛЬНЫЙ КОСТЕР

Настал конец дороги нашей Смолк весел плеск и арфы звук И спущенный наш флаг кровавый Уж никого не ужаснет О, бирюза морей, неси в Элизий Ту, кто была для нас дороже жизни!

Песнь о Белит

Занимался рассвет. Устье реки окрасилось кровавым цветом. Конан, опершись на свой огромный меч, стоял на берегу океана и провожал взглядом «Тигрицу», отправляющуюся в свой последний рейс. Глаза его были сухими. Лазурный простор океана утратил для него свою красоту, и сердце его застыло в ожесточении.

Белит была морем. Она делала его восхитительным и чудесным. Без нее оно превратилось бы в мрачную, безлюдную пустыню, протянувшуюся от полюса до полюса. Белит принадлежала морю и теперь Конан возвращал ее туда. Больше он ничего не мог для нее сделать.

Голубое великолепие океана было сейчас для Конана более омерзительно, чем бездонные глубины смерти, в которые он желал бы сейчас погрузиться.

Никто не управлял «Тигрицей», бессильно замерли ее весла. Но чистый свежий ветер наполнил ее шелковый парус, и, как лебедь, спешащий к родному гнезду, галера помчалась в открытое море. А пламя поднималось с палубы все выше и выше к небу, заключая в свои всепоглощающие объятия закутанную в пурпурный плащ Белит.

Так ушла в Вечность Королева Черного Побережья.

Опираясь на меч, Конан молча стоял до тех пор, пока последний отблеск пламени не растворился в голубом тумане.